

Когда закончилась война, мы пошли в первый класс, и во дворе появилась ребятня, потом, когда пленные немцы отстроили разрушенную бомбой часть нашего дома, мы стали играть во дворе в прятки, в лапту и в другие игры, которых теперь нет. Нам даже не мешали штабеля дров, которыми мы топили печки, причём мы уже помогали старшим пилить, колоть, носить дрова по квартирам и растапливать в комнате печь.

Всё было в послевоенных домах Ленинграда, где большинство дворов были дворами-колодцами, но там прошло наше детство — хорошее детство, и оно нам осталось дорогим на всю жизнь.

Лет через 7 после войны, когда немного подросли, был у меня в то время кумир. Может, и не кумир, а человек, о котором я всё время думал, восхищался им и фантазиро-

На фотографии
я с Наташей — старшей
сестрой (справа)

Николай Кузнецов

вал, что если бы я был на войне, то воевал бы вместе с ним, только с ним. На Фонтанке, где в войну была Нинина школа, была библиотека, и я брал там книги. Так вот, книги Медведева «Это было под Ровно» и «В лесах Украины» я перечитывал, переживая за Николая Кузнецова. Тогда он был для меня единственным Героем. С годами я восхищался и другими героями, а к старости выдающимся человеком стал для меня только Жуков, но за Николая Ивановича уже потом и в фильмах я переживаю так же, как и в детстве.

Два раза я побывал в тех местах, где воевал отряд Медведева, и в немецкой форме хладнокровно среди немцев проводил карательные операции Николай Кузнецов. Гауляйтера Украины Эрика Коха ему убить не удалось. Он сумел попасть к нему на приём, но перед столом сидела овчарка, а за спиной

стоял офицер, и даже если бы он успел выхватить пистолет и выстрелить, пока не перехватили его руку, то жертва собой была бы не оправдана. Гитлер назначил бы другого гауляйтера, а Николай Иванович был ценен другим — он добывал среди немецких офицеров и приносил в отряд очень ценную информацию. А ликвидатором ему всё же приходилось быть: на его счету одиннадцать немецких генералов. Да и Сталин не настаивал на убийстве гауляйтера Коха.

Погиб Николай Иванович (а ведь ему было всего 32 года и хотелось бы называть его Колей или Николаем) в марте 1944 года в бою с бандеровцами при прорыве к линии фронта с двумя партизанами.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ КОМИССАРУ ОТРЯДА МАЙОРУ СТЕХОВУ

«Завтра исполняется 11 месяцев моего пребывания в тылу немецких войск.

25 августа 1942 года в 24 час. 05 мин. спустился на парашюте, чтобы нещадно мстить за кровь и слёзы наших матерей и братьев, которые стонут под ярмом немецких оккупантов.

11 месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера. Я готовился к смертельному для фашистов удару, пробивался в самое логово сатрапа — немецкого тирана на Украине Эриха Коха.

Задание очень важное, и, чтобы его выполнить, нужно пожертвовать своей жизнью, ибо уйти из центра города после удара по врагу на параде — совершенно невозможно. Я люблю жизнь. Я ещё очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения её от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главари, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце.

Немецкие кретины Гитлер, Кох и компания думали уничтожить наш великий советский народ. По своему скудоумию они думали, что в море крови можно утопить русский и другие братские народы СССР

Они забыли или не знали истории, эти дикари XX века. Они поймут это 29 июля 1943 года по свисту и взрыву противотанковой гранаты, когда их поганая немецкая кровь брызнет на асфальт... Пусть я умру, но в памяти моего народа я буду бессмертен.

«Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету».

Это моё любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодёжь, из него я черпал силы для подвига.

Ваш Кузнецов

Прочитать только после моей гибели. 24/VII. 1943 г. Кузнецов.»

Первый раз я проезжал с механиком по тем местам мимо Ровно на автобусе из Львова на военный аэродром, и заехать в Ровно не было возможности, а там, наверно, был памятник Николаю Ивановичу Кузнецову. А вот могила Кузнецова была во Львове, на холме Славы, и когда в 1992 году власти убрали её, то собрались люди, на глазах которых были слёзы. А товарищи по партизанскому отряду перенесли могилу в сибирский городок, где учился Николай Иванович, и поставили хороший памятник.

Могила
Н. И. Кузнецова
на холме Славы во
Львове до 1992 года

Памятник Н.И. Кузнецову в г. Ровно.
Украина. 1991 год

Памятник Н.И. Кузнецову.
Перевезён в 1993 г. из Львова
в Талицу, где он родился.

Второй раз мы прилетали из Винницы на аэродром в предгорьях Карпат с командующим воздушной армии на его личном самолёте (его машины не было, а мы сидели по бокам на скамейках, но без парашютов), и тоже некогда было съездить в Ровно.

Вот в Виннице нам удалось посмотреть «Вервольф» — ставку Гитлера на Украине. О её расположении в Москву сообщил Николай Кузнецов. Город понравился, весь в цветах, вдоль улиц длинные газоны с цветами, многие с розами, а нас повезли за город, не очень далеко, но в лес. Там, среди деревьев на полянах завалены валунами и бетонными глыбами входы в бункер, говорят, что два раза туда приезжал Гитлер, а отступая, немцы взрывами завалили хода, да так, что наши прекратили попытки туда проникнуть.

Николай Кузнецов был разведчиком от Бога, он ни разу не был в Германии, а в течение 16-ти месяцев, которые он провёл в Ровно под личиной оберлейтенанта Пауля Зиберта, все считали его настоящим немцем. Легенда была тщательно подготовлена, а главное то, что сибирский парнишка, среди соседей которого были немцы-колонисты, вырос толковым, настойчивым, преданным человеком, отлично знающим не только немецкий язык, но и образ их жизни. Для нас в то

время Николай Кузнецов — Пауль Зиберт был дорог как-то по-особому, наверно больше, чем Штирлиц. Он первым из сотрудников внешней разведки СССР был награждён звездой Героя.

* * *

Нас, конечно, не узнать не только на первом фото 1946 года, а вообще никому бы при встрече с жильцами нашего дома. Но мы встречаемся и перезваниваемся, отмечаем наши юбилеи, заходим иногда в наш двор-колодец.

А вот теперь нас — «ребят из нашего двора» — осталось только трое «блокадных детей»: Прокопенко Юрий Николаевич (слева), Гусева (Сухарева) Наталья Петровна, и я, Сальников Константин Александрович.

Санкт-Петербург

* * *

*Опять война. Опять блокада, — / А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда: «Не надо, / Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали / Мы от рассказов о войне.
И о блокаде прочитали / Стихов достаточно вполне».
Я не напрасно беспокоюсь, / Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть. / Она, как сила, нам нужна.*

Юрий Воронов